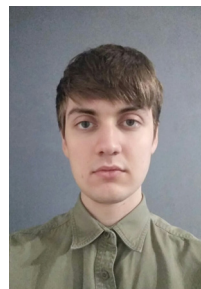

Религиоведение. 2020. № 4. С. 59–68.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2020. No. 4. P. 59–68.

DOI: 10.22250/2072-8662.2020.4.59-68

Сеvрюгин С.А.

*Академия Корееведения
50 Unjung-dong, Bundang, Seongnam, Gyeonggi-do, South Korea
sergey.sevryugin@mail.ru*

Ключевые особенности внешней экспансии южнокорейских протестантских организаций и её основные причины

Аннотация. В данной статье предпринята попытка целостного анализа процесса продолжающейся с конца прошлого века активной международной экспансии южнокорейских протестантских объединений. На сегодняшний день, исходя из различных численных и качественных показателей, их можно назвать одними из наиболее влиятельных глобальных акторов в религиозной сфере и отчасти даже международных отношениях. Используемые ими язык и методы распространения учения, с одной стороны, продолжают многовековую традицию христианского миссионерства, в особенности американского взгляда на него, а с другой – являются его переосмыслением, которое стало возможным лишь в условиях современного, постоянно меняющегося, но в целом капиталистического, глубоко глобализированного и демократизированного мира, бросающего новые вызовы религиозным организациям и вынуждающего их искать отличные от прошлого пути к выживанию в нём. Особое внимание уделяется основным причинам появления данного феномена и вытекающим из них его характерным особенностям. По итогам проведённого исследования автор приходит к выводу, что такие особенности деятельности южнокорейских протестантских организаций за рубежом, как межцерковная конкуренция, фракционизм наряду с высокой вовлечённостью в коммерческий сектор и политику непосредственно связаны с историческим процессом развития данной конфессией на Корейском полуострове и является прямым его отражением. Поэтому, несмотря на глобальный характер работы таких объединений, их деятельность по-прежнему направлена в основном вовнутрь породившего их общества, что, впрочем, не мешает рассматривать их в то же время как инструмент расширения внешнеполитического влияния и элемент мягкой силы.

Ключевые слова: протестантизм, Корея, церковь, миссионерство, евангелизация, кекххвэждуи, кваду чхедже, соджин, духовная война

Sergei A. Sevryugin

*Academy of Korean Studies (한국학중앙연구원)
50 Unjung-dong, Bundang, Seongnam, Gyeonggi-do, South Korea
sergey.sevryugin@mail.ru*

Key Features of the External Expansion of South Korean Protestant Organizations and Its Main Reasons

Abstract. This article analyzes the process of active international expansion of South Korean Protestant organizations, continuing since the end of the 20th century. Today, based on various numerical and qualitative indicators, they could be called one of the most influential global actors in the religious sphere and partly even in international relations. On the one hand, the language and methods, which such organizations use in order to disseminate their teachings continue the centuries-old tradition of Christian missionary work, in particular the American view of it. On the other hand, they are its rethinking, that could be possible only in the conditions of modern, constantly changing, but on the whole capitalistic, deeply globalized and a democratized world, throwing new challenges to religious organizations and forcing them looking for novel ways to survive in an increasingly aggressive environment. Special attention is paid to the major reasons for the appearance of such phenomenon and its characteristic features connected with them. Based on the results of the study, the author concludes that characteristic features of South Korean Protestant organizations' activities abroad such as interchurch competition, factionalism along with high involvement in the commercial sector and politics are directly related to the historical process of the development of this denomination on the Korean Peninsula. Therefore, despite the transnational nature of these organizations, their activities are still predominately targeted the society that gave rise to them. However, this does not prevent them from being also an instrument for expanding foreign policy influence and even an element of soft power.

Key words: Protestantism, Korea, church, missionary work, Evangelization, Gaegyohejuui, Gwadu Cheje, Seojin, spiritual war

«Когда китайцы приезжают на новое место, они основывают ресторан, японцы – фабрику, корейцы – церковь» – такую цитату приводит издание The New York Times в статье от 2004 года, посвящённой активности корейских протестантских организаций по всему миру [Onishi, <https://www.nytimes.com/2004/11/01/world/asia/korean-missionaries-carrying-word-to-hardtosway-places.html>]. Сегодня Республику Корея можно поставить по количеству миссионеров на второе место в мире после США, а по их доле относительно населения – на первое.

Согласно официальным материалам, на 2017 год в 170 различных странах находилось 28 584 южнокорейских проповедника. Большинство из них действовали в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, на которые приходилось 6 319 и 5 893 миссионера соответственно [Текущая религиозная ситуация, 2018, 169]. Если сравнивать с другими корейскими религиями, то лидирующие позиции протестантизма становятся ещё более очевидными. Так, у различных буддийских организаций в целом имеется 195 храмов и 593 представителя в 30 государствах мира, большинство из которых относятся к американскому континенту [Текущая религиозная ситуация, 2018, 167–168]. Южнокорейские католики, в свою очередь, представлены лишь 237 священниками, а вон-буддисты – 125 проповедниками и 65 отделениями в 23 странах [Текущая религиозная ситуация, 2018, 170].

Приведённые цифры выглядят особенно удивительно, если учесть, что сам протестантизм начал активно распространяться на полуострове лишь с началом XX века и большинство его последователей являются на данный момент таковыми во втором или даже в первом поколении. Кроме того, большую часть протестантов в Республике Корея составляет молодёжь в возрасте до 40 лет. В то же время для других основных конфессий страны характерно преобладание более пожилого контингента, в связи с чем общественная, культурная, экономическая и политическая активность южнокорейских протестантских организаций также не идёт ни в какое сравнение с представителями других основных религий, несмотря на относительно небольшую долю в численности населения [Текущая религиозная ситуация, 2018, 96–97].

В целом в Южной Корее за 2015 год насчитывалось около 9.7 миллионов человек, определяющих себя как протестантов, что хоть и значительно превышает показатели любой другой религии, но составляет лишь одну пятую от общего количества граждан республики [Текущая религиозная ситуация, 2018, 89]. Для описания подобной ситуации в академической среде Республики Корея часто используется термин *квяду чхедже* (과두체제, 寡頭體制), который можно перевести как «господство меньшинства» [Ли Чингу, 2016, 357]. Такой необычный для XXI века уровень влияния религиозных организаций исследователь Так Джииль (탁지일) связывает с сильным давлением и постоянной критикой этих организаций со стороны общества, в глазах которого многие из них выглядят достаточно маргинально и destructively. Постоянно участвуя в различных аспектах жизни общества и активно выражая позиции по тем или иным вопросам, протестантские и похожие на них объединения таким образом пытаются разрушить ассоциирующиеся с ними образы и компенсировать свою слабую теологическую базу [Tark Ji-il, 2017, 96–97].

Здесь необходимо отметить, что наименование «протестантские» зачастую носит для большинства описываемых здесь объединений весьма условный характер. Конечно, практически в каждой организации сохраняются характерные атрибуты христианства и некоторые черты аналогичных европейских и американских организаций, вроде использования Библии как основы любых проповедей, символика креста, а в названиях традиционно применяются наименования «пресвитерианская (장로교, 長老教)» или «методистская (감리교, 監理教)». Тем не менее, в остальном наблюдается огромное разнообразие, ранжируемое от классических традиций западных евангельских движений до фактически совершенно новой религии, пророком или воплощением Христа в которой может быть провозглашён сам глава организации.

В последнем случае в большинстве своём такие объединения распадаются сразу после смерти лидера, не в последнюю очередь в связи с разногласиями между его детьми и родственниками из-за прав наследования. Однако имеют место и случаи, когда подобным религиозным организациям удаётся создать своё собственное развитое учение на основе христианских догматов и более-менее крепкую административную структуру, обеспечивающие стабильность их существования в долгосрочной перспективе. Наиболее показательным примером можно считать историю Церкви Объединения Мун Сон Мёна.

В южнокорейском академическом дискурсе для описания данного феномена используется термин *кекёхвэджуи* (개교회주의, 個教會主義), или «доктрина частных церквей». Под этим понятием подразумевается практически полный контроль пастора над церковной организацией. Пастор обычно передаёт свои полномочия по наследству и стремится всеми способами увеличить количество прихожан наряду с собственными доходами, в том числе и при помощи проникновения в коммерческий сектор. Поэтому многие частные компании Республики Корея, в особенности в сфере образования, медицины, общепита и туризма, так или иначе контролируются протестантскими организациями.

Поэтому вполне обычной практикой является наличие конкурирующих церковных сетей и строительство многоэтажных филиалов в различных регионах, объединяющих в себе большое число других функций помимо непосредственно религиозной, а также их аренда и перепродажа, причём зачастую с уже действующим приходом. С развитием цифровых технологий такого рода деятельность расширилась и в сети Интернет. На различных сайтах, подобных www.sjob.co.kr, представлено множество объявлений о продаже и аренде определённой церкви, с подробным описанием и даже указанием количества прихожан. Впрочем, то же самое касается и буддийских храмов (www.sachal.net) [Юн Сыннён, 2016а, 314–315], многие из которых копируют опыт протестантских церквей. Всё это, наряду с небольшим сроком существования многих из упомянутых организаций и авторитарно-вождистским характером управления, который можно назвать достаточно типичным для условно конфуцианских обществ, и создаёт достаточно негативный образ протестантских организаций внутри страны, что, тем не менее, не мешает им сохранять и преумножать своё влияние.

Окончательное оформление вышеописанной реальности приходится на конец 1980-х годов. Олимпийские Игры 1988 года в Сеуле можно считать точкой отсчёта активной экспансии южнокорейских протестантских организаций за рубеж. Данное событие совпало с пиком необычайного роста популярности протестантизма, начавшегося в 70-е гг. и продолжавшегося в 80-е гг. XX века, в ходе которого связанным с ним организациям удалось накопить значительное количество ресурсов.

К основным причинам быстрого распространения влияния протестантских объединений представляется возможным отнести их имидж национального борца за демократию и свободу сначала против японского правления, а затем и военной диктатуры, а также, по-видимому, ставший основой их деятельности «метод Невюса (Nevius method)», сформировавшийся в среде американских миссионеров в Восточной Азии и предполагавший активное и автономное участие церквей в общественной жизни как непереносимое условие быстрого распространения учения.

Вследствие этого протестантские учебные заведения и теологические факультеты привлекали всё большее количество учеников, а рядовые корейцы с охотой несли крупные пожертвования в храмы. Помимо прочего, вплоть до 2018 года протестантские церкви в Республике Корея, как и любые другие религиозные организации, в отличие от соседних КНР и Японии, полностью освобождались от подоходного налога, что делало занятость в этой области ещё привлекательнее. Даже после принятия соответствующего законодательства правительством Мун Чже Ина они продолжают сохранять юридический статус некоммерческих организаций, что позволяет им не платить ряд обязательных налогов в пользу государства, а их сотрудникам пользоваться определёнными социальными льготами [Юн Сыннён, 2016б, 340–341].

Однако на протяжении 70–80-х годов корейские протестантские объединения, в отличие от во многом похожих на них по структуре и стилю поведения различных

организаций так называемых «новых религий», не проявляли особого интереса к международной деятельности, предпочитая концентрироваться на распространении своего учения внутри страны, которая в этот период как раз переживала бурный экономический подъём. Поэтому непосредственными стимулами для выхода за пределы Кореи, скорее всего, стали постепенное смягчение южнокорейским правительством ограничений на выезд за границу, исчерпание ресурса потенциальных неопитов внутри страны и отчасти связанное с этим заметное замедление темпов прироста новых верующих с середины 80-х.

Как уже было упомянуто ранее, профессия протестантского пастора во второй половине XX века стала пользоваться большой популярностью среди населения Республики Корея. Большинство из выпускников училищ шло в связанные с ними церковные учреждения, но по мере привлечения новых последователей и роста собственной популярности эти уже достаточно опытные пасторы со временем отдалялись от своих альма-матер. В конечном итоге они основывали свои собственные церкви и курсы при них.

Так как каждый пастор, как правило, признавал абсолютную истинность лишь своего видения христианства, между созданными ими организациями возникла жёсткая конкуренция за верующих, которая постоянно усиливалась по мере выпуска из их же учебных заведений новых священнослужителей, в свою очередь также очень скоро начинавших требовать независимости, становясь самостоятельными религиозными лидерами, и постоянных расколов среди наследников после смерти бывшего главы организации. Впоследствии это противостояние и периодические конфликты между миссионерами, иногда обозначаемые общим словом «фракционизм» (교파주의, 教派主義), были перенесены и за границу.

Менее удачливые священнослужители часто не могли найти работу по специальности или собрать достаточное количество прихожан для содержания собственной церкви, на основание и поддержание которой обычно брался кредит, из-за чего многие были вынуждены подрабатывать сторонней деятельностью, например, заниматься предпринимательством, в частности, становиться водителями такси. В конечном итоге в Республике Кореи к середине 80-х годов возник огромный избыток людей с теологическим образованием, который, по сути, сохраняется и по сей день [Юн Сыннён, 2016а, 318–319].

На этом фоне протестантские организации не могли не обратить внимания на иностранцев, посетивших Корейский полуостров в огромном количестве во время Олимпийских Игр 1988 года в Сеуле. У многих крупных церквей возникла закономерная идея об отправке лишних миссионеров за рубеж. Те же пасторы, которым не удалось достичь значительного успеха на родине, увидели в этом прекрасную возможность для нового начала. Если им удавалось чего-то добиться за рубежом, то в дальнейшем они вполне могли рассчитывать и на помощь от крупных церквей, которые брали их под опеку. В ином же случае всегда существовала возможность создать свою собственную независимую протестантскую организацию, но уже базирующуюся в другой стране [Ли Чингу, 2016, 359].

Отчасти это можно сравнить с деятельностью частных компаний, которые при падении динамики и насыщении на внутреннем рынке начинают активную экспансию на внешние. Как результат, к 2002 году по официальным данным в разных уголках мира находилось 9 514 южнокорейских миссионеров [Текущая религиозная ситуация, 2002, 119]. В 2004 их было уже 12 159, а через 9 лет – 22 685. Иными словами, в среднем число священнослужителей из Южной Кореи за рубежом увеличилось более чем на 1000 человек в год [Текущая религиозная ситуация, 2011, 95].

В идеологическом плане такая активная экспансия хорошо вписалась в идею «Явного предначертания» («Manifest of Destiny»), пришедшую в Корею вместе с американскими протестантскими миссионерами и их неприязню ко всему «нехристианскому», часто перерастающей в своего рода комплекс неполноценности [Ким Чинхо, 2012, 43], что, впрочем, в данном случае отлично дополнило традиционный христианский прозелитизм. Как и первыми пуританскими поселенцами в Новом Свете, корейскими проповедниками во многом двигало мессианское стремление к построению «нового Иерусалима» или «града на холме», предполагавшее распространение «более совершенного порядка» на всё новые и новые территории.

Происходивший в этот период распад социалистического лагеря рассматривался многими церквями, которые всегда отличались антикоммунистическим настроением, не иначе, как божественный знак, указывающий на предстоящую окончательную победу добра над злом, и ключевой момент для исполнения их священной миссии. Этим отчасти объясняется и популярность доктрины *соджин* (서진, 西進), то есть «движения на запад», и заимствованной из китайского протестантизма идеи «Возвращения в Иерусалим» (Back to Jerusalem), которым многие южнокорейские религиозные лидеры придавали глубоко эсхатологический характер [Ли Чингу, 2011, 289–290].

В связи с этим неудивительно, что, когда в 2007 году южнокорейское правительство заявило о планах разработки законодательства, ограничивающего зарубежную миссионерскую деятельность, протестантские организации выступили резко против, заявив о покушении на свободу вероисповедания и нарушении принципа отделения религии от государства. В ходе критики сама проповедническая деятельность часто обозначалась ими как категорический императив, без которого невозможно и бессмысленно их существование.

Вышеописанная инициатива стала ответом на пленение в том же году Талибаном в Афганистане группы из 23 южнокорейских граждан, отправленных туда пресвитерианской церковью Семмуль (샘물교회). Поскольку официально миссионерская деятельность в Афганистане запрещена, они приехали туда под видом волонтеров. Благодаря усилиям правительства Республики Корея практически все заложники были освобождены в обмен на денежный выкуп и обещание Кореи до конца года вывести собственный военный контингент из страны, но двое из них погибли в заключении, что вызвало агрессивную критику всей зарубежной проповеднической деятельности протестантских организаций со стороны СМИ и общества [Ли Чингу, 2016, 356–357].

Миссионеры становились причиной дипломатических скандалов и до, и после этого случая. Наиболее острые из упомянутых конфликтов были связаны с активностью проповедников в КНДР, где их несколько раз арестовывали и обвиняли в диссидентской деятельности, работе на южнокорейскую разведку и попытке свержения правительства.

После ряда похожих случаев и из-за негативной на них реакции прирост численности зарубежных миссионеров заметно замедлился. Например, с 2011 по 2017 год число проповедников увеличилось лишь на 4 583 человек [Текущая религиозная ситуация, 2018, 170]. Однако протестантские организации не отказались полностью от работы на внешних территориях, а лишь скорректировали свою тактику, в частности, сосредоточившись на «краткосрочном миссионерстве».

Суть такой деятельности состоит в том, что вместо отправки проповедника для долгосрочной работы и постепенного построения общины члены и работники протестантских организаций группами отправляются для проповеди и различной связанной деятельности на несколько недель в тот или иной регион, где уже, как правило, присутствует отделение их церкви, а затем возвращаются обратно. Такие же поездки совершают студенты теологических училищ и факультетов университетов, связанных с той или иной церковью, часто посещая при этом несколько стран. Во многом их визиты носят пропагандистский характер, направленный внутрь организации, поскольку постоянные доклады об успехах миссии за рубежом и рассказы путешественников позволяют сохранять авторитетные позиции среди прихожан в Южной Корее наряду с поддержкой общей сплоченности и идентичности.

Соответственно, основной упор во время таких турне делается не на обращение максимального количества новых верующих, а на ту или иную помощь местным жителем, волонтерскую деятельность и благотворительность, которые в идеале призваны создать позитивный имидж организации и её взгляда на корейский протестантизм, и вместе с тем доказать его превосходство над другими конфессиями и религиями.

Кроме того, теперь основной задачей миссионеров в сложных для свободного распространения протестантского учения регионах становилась финансовая и духовная поддержка, или, если использовать их собственные лексикой, «усыновление»

(입양, 入養) местных лояльных им верующих, в частности, из числа иммигрантов, чтобы в дальнейшем они сами смогли основать собственную церковь и начать независимую проповедническую деятельность [Ли Чингу, 2011, 272–273].

В миссионерском дискурсе к таким территориям обычно относят так называемое «Окно 10/40» (10/40 Window), то есть все страны между 10 и 40 градусами северной широты, которые определяют как «недостигнутые» (미전도, unreached). Сам этот термин был, по-видимому, впервые выдвинут Ральфом Винтером (Ralph D. Winter) ещё в 1974 году на протестантской конференции в Лозанне вместе с предложением смены фокуса миссионерской работы с целых стран на конкретные «группы людей» (people group) внутри них.

В своём выступлении от 1989 года Винтер заявил, что из 24 000 групп людей по всему миру около 11 000 ещё не охвачены евангелизацией (복음화, 福音化). Это, по мнению южнокорейского исследователя Ли Чингу (이진구), стало шоком для многих протестантов, в частности, корейских, и побудило их активизировать международную миссионерскую деятельность с целью любой ценой уменьшить число «недостигнутых», приближая таким образом Второе Пришествие. Порой это даже принимало форму объявления «духовной войны» (영적 전쟁), которую, например, провозгласила одна алматинская церковь в июне 2000 года [Ли Чингу, 2011, 271].

Практически все южнокорейские организации, занимающиеся зарубежной проповеднической деятельностью, входят в Корейскую Ассоциацию Международного Миссионерства (한국세계교협의회, The Korea World Mission Association). Среди них есть как подразделения церквей, так и самостоятельные миссионерские организации, которые составляют её основной костяк. Последние обычно специализируются на конкретной области. К примеру, они могут заниматься проповедью лишь в одной стране или регионе (используя для их спецификации такие обозначения территорий, как «постсоциалистические», «исламские», «конфуцианские», «буддийские»), или же среди определённой категории людей: студентов, моряков, военных и т.д.

Методы деления периодически меняются, становясь более подробными и детализированными, что приводит к появлению ещё более узкоспециализированных объединений. Так, некогда занимающиеся всей Индией протестантские организации постепенно стали делиться по конкретным этнокультурным группам полуострова Индостан, составляющих основной вектор их развития и подготовки. Однако по-прежнему сохраняются структуры и более широкого профиля, в которых часто создаются соответствующие региональные подразделения [Ли Чингу, 2016, 362–363].

Так или иначе, можно утверждать, что первоочередной целью для южнокорейских организаций протестантского характера при приходе в новый регион становится распространение своего влияния в среде местной корейской диаспоры, зачастую провоцирующее острое противоборство с другими церквями корейского происхождения. Это также связано с тем, что на родине от миссионеров обычно требуют быстрых результатов и хорошей отчётности. Поэтому привлечение соотечественников выглядит для многих наиболее простым способом выполнить поставленные из центра задачи, отчёт о которых можно будет представить на очередной конференции. В этом плане церкви успешно способствуют продвижению корейской культуры, выступая в роли некой разновидности мягкой силы.

Типичной является ситуация, когда, прибывая в другую страну на постоянное место жительства, южнокореец в первую очередь ищет ближайшее отделение какой-нибудь корейской протестантской или новорелигиозной организации, причём это справедливо даже для тех, кто до этого вовсе не посещал никаких религиозных учреждений, но знает, что всегда найдёт там помощь и компанию своих соотечественников. Прихожанами и негласными спонсорами церквей являются и представители крупных южнокорейских корпораций, как за рубежом, так и на родине, что заставляет многих корейцев видеть в них социальный лифт и возможность обзавестись полезными связями.

Если же это местный и давно ассимилировавшийся кореец, то, скорее всего, церковь будет всячески стараться «возродить» его национальное самосознание. Иными словами, описываемые протестантские организации перед началом проповеди

среди местного населения стремятся прежде всего монополизировать роль центра объединения диаспоры и носителя её «истинной» национальной культуры.

По этой причине прихожане проводят в таких церквях намного больше времени по сравнению с храмами других христианских конфессий, причём значительная часть этого времени посвящена не совсем тому, что можно назвать религиозной деятельностью. Помимо традиционной проповеди, песнопений, обсуждения Библии и массовых молитв, в расписании всегда присутствуют совместные обеды в корейском стиле, деятельность в кружках и разнообразные мероприятия, включающие в себя поездки, различную помощь диаспоре и благотворительную деятельность [Ли Чингу, 2007, 83–84].

В отношении же местного населения характерна концентрация на его маргинальных элементах, которые по той или иной причине разочаровались в своей старой вере. Поэтому весьма распространённой является агрессивная критика других религий с консервативно-христианских позиций. При этом активно используется лексика, свойственная скорее миссионерскому дискурсу XIX века или даже более ранних периодов, например, слова «идолопоклонство» (수상숭배, 偶像崇拜), «суеверие» (미신, 迷信), «язычество» (이교, 異教) и т.д. Так, в мусульманских странах миссионерами-протестантами было начато движение «антирамадана», целью которого ставится продвижение отказа от соответствующего поста, а также связанных церемоний и ритуалов. Католичество, православие, более умеренные течения протестантизма и другие ветви христианства же в свою очередь часто критикуются ими как «старые религии» или «ложное христианство» [Ли Чингу, 2007, 88].

Среди корейских миссионеров весьма распространена практика «цивилизаторства», которое очень сильно напоминает то, чем занимались европейские и американские миссионеры на Корейском полуострове на рубеже XIX и XX веков, пребывающем на тот период в весьма сложной ситуации. Похожим на них образом уже южнокорейские проповедники в бедных и проблемных регионах планеты делают основной упор на благотворительную и волонтерскую деятельность, к примеру, в области медицины и образования, через которые они продвигают свою версию протестантизма вместе с корейской культурой и языком, привлекая внимание людей своими рассказами об успешном всестороннем развитии протестантских стран, к которым относят и Корею. В роли подкрепляющего аргумента часто выступает серьёзная материальная поддержка или перспектива того, что можно назвать «мирской» выгодой. Однако при этом примечательно то, что корейские миссионеры в основном стараются отделять себя от своих западных коллег, стремясь избежать негативных коннотаций с колониальным периодом и упирая на общность судеб местных жителей и их народа [Ли Чингу, 2007, 92–93].

В церквях наряду с христианскими отмечаются и многие признанные корейскими праздники, такие как Чхусок, а также организуются уроки корейских традиций и языка среди прихожан. Корейский язык часто является основным языком молитв, песен и обыденного общения, а его использование иностранцами активно поощряется. Кроме того, на примере отделений корейских протестантских организаций в России и других странах видно, что прикладываются и большие усилия к обучению прихожан составлению проповедей и работе с потенциальными неопитами.

Деятельность церквей также включает в себя поездки в Южную Корею и другие страны на специализированные курсы, семинары и конференции, а также постоянное общение с представителями церковной организации и другими миссионерами в разных регионах мира через Интернет. Туда же выкладываются различные проповеди, богослужения и лекции в видео формате. Общерапространённой практикой является и ведение прямых трансляций [Войник, 2015, 188], которые стали использоваться особенно активно в период карантина из-за распространения коронавирусной инфекции в первой половине 2020 года.

Стоит упомянуть, что корейские протестантские организации обладают огромными информационными и образовательными ресурсами. Только у себя на родине по официальным данным они контролируют 7 телерадиокомпаний, 189 газет и 372 журнала [Текущая религиозная ситуация, 2018, 185–186], а также 109 учебных заведений высшего [Текущая религиозная ситуация, 2018, 194] и 631 общего

образования [Текущая религиозная ситуация, 2018, 198] в дополнение к 124 исследовательским центрам [Текущая религиозная ситуация, 2018, 201].

Для привлечения новых прихожан, повышения престижа церкви и распространения информации о ней среди населения создаётся ряд стимулов для мотивации каждого её члена. Они могут носить материальный характер, а могут иметь форму устных заверений о повышении шансов на спасение или просто публичной похвалы религиозного лидера. Миссионерская деятельность прихожан может порой напрямую включаться в список их обязанностей, а также быть критерием приёма в церковь. Об этом постоянно напоминает и визуальная агитация в виде баннеров, картин и плакатов вместе с групповыми песнопениями, призывами и лозунгами, звучащими в ходе массовых собраний. С этой же целью церквями выпускается и разнообразная печатная продукция на нескольких языках как проповеднического, так и общеобразовательного характера, представляющая собой методички и брошюры по привлечению новых верующих и последующей поэтапной работы с ними. Весьма распространённой практикой являются и регулярные обходы пастором домов прихожан, в ходе которых они проводят дополнительные богослужения и тренинги по наиболее эффективным методам распространения учения.

Если рассуждать в социологической плоскости, то на первый план выходит объединительная и коммуникативная функция церкви как социального института. Среди прихожан поддерживается, с одной стороны, ощущение общности и единства отдельной церковной общины, а с другой – единая транснациональная идентичность всех членов организации в разных частях света. Это проявляется и в терминологии, которая постоянно подчёркивает исключительность и особенность прихожан конкретной церкви, указывая на их священную миссию и отличие от «недостигнутых» людей [Войник, 2015, 189–190], в которых весьма отчётливо угадывается образ противопоставляемого Другого.

Характерной особенностью является и тот момент, что значительная часть корейских протестантских организаций, в отличие от своих европейских и американских коллег, уделяет гораздо больше внимания проблемам здоровья и экономического благополучия своей паствы, нежели обучению основам христианской теологии, что, во-первых, является отражением синкретических тенденций и, в частности, влияния традиционного для полуострова шаманизма, а во-вторых, проявлением так называемой «протестантской этики», впервые описанной Максом Вебером. И в том, и в другом случае богатство рассматривается не как помеха на пути к спасению, а как благословение [Yim Suk-jay, Janelly, Janelly, 337–338].

Таким образом, пример деятельности корейских протестантских организаций за рубежом позволяет наблюдать весьма интересный симбиоз типичной «восточной» культуры и протестантизма, который практически всегда ассоциируется с «Западом», что ещё раз подтверждает высокую степень упрощённости подобных дихотомий. Сами южнокорейские протестантские организации являются интересным и весьма показательным образцом адаптации религиозных объединений к условиям постсекулярного капиталистического общества, процесс которой некоторые исследователи могли бы назвать коммерциализацией.

Однако очевидно, что сама сущность подобных изменений лежит гораздо глубже простого перенимания практик коммерческих организаций и связана с изменением сознания, образа мышления и восприятия религии как со стороны самих духовных лидеров и их последователей, так и обычных людей, не относящих себя к какой-либо конфессии. Конкретно для южнокорейского общества протестантизм и его активная внешняя экспансия превратился в своеобразный способ излечения травм прошлого и поиска новой национальной идентичности. Высокая активность миссионеров, скорее всего, в первую очередь стала следствием сложных социальных метаморфоз внутри Республики Корея и во многом является ничем иным, как продолжением указанных процессов и ответом на брошенные ей вызовы.

Библиографический список

1. Войник, А.А. Корейские протестантские организации в Санкт-Петербурге и Сеуле: формирование транснациональной религиозной сети / А.А. Войник // Вестник СПбГУ. Социология. Серия 12. – 2015. – № 1. – С. 182–191.
2. Ким, Чинхо. Гражданин К идёт в церковь / Ким Чинхо. – Сеул: Издательство Хёнамса, 2012 (김진호. 시민K, 교회를 나간다. 서울: 현암사, 2012).
3. Ко, Пёнчхоль. Текущая религиозная ситуация в Республике Корея за 2018 год / Ко Пёнчхоль, Кан Донгу, Чо Хёнбом. – Сеул: Министерство Культуры, Спорта и Туризма, 2018. – 339 с. (고병철, 강돈구, 조현범, 2018년 한국의 종교현황 // 서울: 문화체육관광부, 2018. 339쪽).
4. Ли, Чингу. Корейский протестантизм и миссионерский империализм / Ли Чингу // Нецивилизованное Евангелие: Анализ проблем и альтернатив миссионерской деятельности корейского христианства. – 2007. – 76–93. (이진구. 한국 개신교와 선교 제국주의 // 무례한 복음: 한국 기독교의 선교, 그 문제와 대안을 성찰한다, 2007, 76–93쪽).
5. Ли, Чингу. Религиозный милитаризм в зарубежных миссиях корейского протестантизма на примере движение «Возвращение в Иерусалим» / Ли Чингу // Критический обзор религии и культуры. – 2011. – С. 261–295 (이진구. 한국 개신교 해외선교에 나타난 종교적 군사주의: 백투예루살렘 운동을 중심으로 // 종교문화비평. 2011, 통권 20호 10주년 20호, 261–295쪽).
6. Ли, Чингу. Как относиться к зарубежной деятельности корейского протестантизма? / Ли Чингу // Что для нас религия? / Под ред. Ли Чингу. – Пхаджу: Издательство Тыльнёнк, 2016. – С. 355–369 (이진구. 한국 개신교의 해외 선교, 어떻게 볼 것인가? // 우리에게 종교란 무엇인가? / 이진구 편지자. 파주시: 도서출판사 들녘, 2016, 355–369쪽).
7. Юн, Синёнён. Можно ли продать церковь и буддистский храм? / Юн Синёнён // Что для нас религия? / Под ред. Ли Чингу. – Пхаджу: Издательство Тыльнёнк, 2016. – С. 313–328 (윤승용. 교회와 사찰을 매매해도 되는가? // 우리에게 종교란 무엇인가? / 이진구 편지자. 파주시: 도서출판사 들녘, 2016, 313–328쪽).
8. Юн, Синёнён. Почему религиозные деятели не платят налоги? / Юн Синёнён // Что для нас религия? / Под ред. Ли Чингу. – Пхаджу: Издательство Тыльнёнк, 2016. – С. 329–341 (윤승용. 종교인은 왜 세금을 내지 않는가? // 우리에게 종교란 무엇인가? / 이진구 편지자. 파주시: 도서출판사 들녘, 2016, 329–341쪽).
9. Текущая религиозная ситуация в Республике Корея за 2002 год. – Сеул: Министерство Культуры, Спорта и Туризма, 2002 (2002년 한국의 종교현황 // 서울: 문화체육관광부, 2002).
10. Текущая религиозная ситуация в Республике Корея за 2011 год. – Сеул: Министерство Культуры, Спорта и Туризма, 2011 (2011년 한국의 종교현황 // 서울: 문화체육관광부, 2011).
11. Onishi, N. Korean Missionaries Carrying Word to Hard-to-Sway Places [Электронный реценз] / N. Onishi // The New York Times URL: <https://www.nytimes.com/2004/11/01/world/asia/korean-missionaries-carrying-word-to-hardtosway-places.html> (дата обращения: 20.06.2020).
12. Yim, Suk-jay. Korean religion / Yim Suk-jay, R.L. Janelly, D.Y. Janelly // The Religious traditions of Asia, edited by J.M. Kitagawa. – NY: Macmillan, 1989. – P. 333–346.
13. Tark, Ji-il. Religious Use of Politics or Political Use of Religion? A Case Study of the Relationship between Politics and Christian New Religious Movements in Korea since the Korean War / Tark Ji-il // Korea Presbyterian Journal of Theology. – 2017. – Vol. 49. – No. 3. – P. 199–214.

Текст поступил в редакцию 21.05.2020.

Принят к публикации 24.08.2020.

Опубликован 24.12.2020.

References

1. Kim Jinho. *Simin K gyohoereul nagada* [Citizen K, Go to Church]. Seoul: Hyeonamsa, 2012 (in Korean).
2. Ko Byeong-cheol, Kang Dong-gu, Cho Hyeong-Beom. *2018 Nyeon Hangugui Jonggyohyeonhwang* [Current Religious State in the Republic of Korea for 2018]. Seoul: Ministry of Culture, Sports and Tourism, 2018 (in Korean).
3. Lee Jingu. *Uncivilized Gospel: Missionary activities of Korean Christianity, Reflects on the Problems and Alternatives*, 2007, pp. 76–93 (in Korean).
4. Lee Jingu. *The Critical Review of Religion and Culture*. 2011, vol. 20, no. 20, pp. 261–295 (in Korean).
5. Lee Jingu. *Hanguk Gaesingyoui Haeoe Seongyo, Eotteoke Bol Geosinga?* [How will you view Korean Protestant missions abroad?]. Seoul: Deullyeok, 2016, pp. 355–369 (in Korean).
6. Onishi N. Korean Missionaries Carrying Word to Hard-to-Sway Places. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2004/11/01/world/asia/korean-missionaries-carrying-word-to-hardtosway-places.html> (accessed on June 20, 2020).

7. Tark Ji-il. *Korea Presbyterian Journal of Theology*. 2017, vol. 49, no. 3, pp. 199–214.
8. Voinik A.A. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University]. Sociology, 2015, vol. 12, no. 1, pp. 182–191 pp.
9. Yim Suk-jay, Janelly R.L., Janelly D.Y. *The Religious traditions of Asia*. Ed. J.M. Kitagawa. NY: Macmillan, 1989, pp. 337–338.
10. Yun Seungyong. *Gyohoewa Sachareul Maemaehaedo Doeneunga?* [Can churches and temples be traded?]. Seoul: Deullyeok, 2016, pp. 313–328 (in Korean).
11. Yun Seungyong. *Jonggyoineun Wae Segeumeul Naeji Anneunga?* [Why religious leaders don't pay taxes?]. Seoul: Deullyeok, 2016, pp. 329–341 (in Korean).
12. *2002 Nyeon Hanguui Jonggyohyeonhwang* [Current Religious State in the Republic of Korea for 2002]. Seoul: Ministry of Culture, Sports and Tourism, 2002 (in Korean).
13. *2011 Nyeon Hanguui Jonggyohyeonhwang* [Current Religious State in the Republic of Korea for 2011]. Seoul: Ministry of Culture, Sports and Tourism, 2011 (in Korean).

Submitted for publication: May 21, 2020.
Accepted for publication: August 24, 2020.
Published: December 24, 2020.